

Новый быт духовенства

Как живет современное духовенство в России, как пополняет его поредевшие ряды, кто решается вступить на этот путь, столь преследуемый и высмеиваемый советской властью и послушной ей прессой? Вот вопрос, которые часто рождаются в нашей среде, и ответы на них обычно противоречивы и неопределенны. Одни говорят, что в России достаточно кандидатов для священства; другие утверждают, что чувствуется острая нужда в пастырях, так как десять лет прошло со времени закрытия всех семинарий, а две или три существующие Академии находятся в руках обновленцев и влечат жалкое существование. Ответить на все эти вопросы нелегко, но ответа искать на них нужно, ведь состав духовенства определяет не только современное религиозное состояние России, но с ним связаны и будущие судьбы всей Русской Церкви.

В «Обновленческом украинском вестнике» недавно появилась очень интересная статья на эту тему, стремящаяся дать картину нового быта духовенства, и с ней интересно познакомить читателей Вестника».

Вот выдержки из нее:

«5-го февраля 1928 года истекает первое десятилетие жизни Церкви без помощи государства, а таким образом и жизни духовенства на новых началах. Хотя, конечно, одно десятилетие не может еще поставить одну точку над «i», тем не менее оно намечает уже и прототип будущего батюшки и дальнейший *modus* его *vivendi*. Несомненно одно, что уже создается новый уклад быта, развитие которого надо ожидать в будущем.

«Вот большое подольское село. Остроконечная колокольня своеобразной подольской церкви по-прежнему стрелой летит ввысь, доминируя над горизонтом. Церковь беленькая, чистенькая, только что отремонтированная. Приведены в порядок и погост, и ограда, и «брама». Вследствие этого обыкновенно не уплачиваются никакие взносы на Епархиальное управление: «ремонт робили, нема звидки».

Вблизи церкви, — бывшая церковная усадьба, — запущенный сад, громадный огород.

Теперь здесь школа, а усадьба разделена на крестьянские участки. Здесь теперь усадебное место и сына последнего старорежимного батюшки, Коли Гандзулевича.

Mutantur tempora, et nos mutamur! Коля, род которого, по женской линии, священствовал здесь от времен униатских, — студент семинарии и затем подававший большие надежды киевский академист, теперь известный на весь район антирелигиозник, так же, как и его семинарский ментор, ученый-литургист, на которого иногда ссылались заграничные теологи. Есть у Коли и братья, и сестры, которые получили прекрасное образование: кто в Петербурге на Лесном на корабельного инженера учился, кто на прянишниковских оперных курсах. В приходе было 120 десятин земли, да плюс добровольные вознаграждения за требы. Но последние были действительно добровольные, доказательством чего служит современное положение вещей. Никто из прихожан даже и не предполагает о возможности каких бы то ни было торгов за требы, разве только традиционное «годиння шлюбу» допускает какие-либо в этом смысле разговоры, но все равно они обыкновенно кончаются на трешнице. Священники жили здесь хорошо, имели достаток, посылали детей в высшие учебные заведения».

Ничего подобного теперешний заместитель старого Гандзулевича (если только он не *homo novus* в духовной среде) представить собою не может. Во-первых, он живет теперь не против церкви, а на противоположном конце села, в одной-двух, через сени, комнатах. О солидной рясе не может быть и речи: просто летом и зимою, сверх ситцевой толстовки или дубленого полушубка одевается ластиковая ряса, одна и та же на Пасху и на Рождество, в подол которой, на углах пол вшиваются по два медных пятака для тяжести, чтобы в бурную погоду ветер не забрасывал пол на спину, — ведь многие прихожане не любят, когда «батюшка штанами телепал». Полуцилиндр, кудри, брюшко, если и можно встретить, то у людей новых (о них речь

ниже). Бывшему аборигену церковной усадьбы не до того. Правда, руки свои по старой интеллигентской привычке, он моет даже, быть может, трижды в день, но все равно домыться не может: если бы не свинка, корова, иногда какая-нибудь лошадка, и арендуемая десятина земли, если бы не куры, топливо, навоз, то одним пастырством невозможно прожить.

Но нужно прибавить, что прихожане не любят старенькой, в заплатках рясенки, рваных, искривленных сапог, огрубелых рук: их идеал — «щобжо було так, яко колись», чтобы батюшка был, по крайней мере, в праздник в солидной черной рясе, в приличной, во всяком случае некаррикатурной шляпе, желательна с кудрями, с спокойствием движений и обязательно с наперсным крестом.

Однако же, как это ни странно, как раньше, «всяк желал быть диаконом», так теперь всяк не прочь быть священником, особенно, кто некогда побывал церковно-приходским учителем, вторым псаломщиком, особенно же алтарным прислужником. В чем же дело? Возвратимся к примерам. На месте покойного отца Гандзулевича и четырех, пяти, в течение девяти лет, его заместителей, теперь — Родион. Фамилия роли не играет и даже обычный духовный титул «отец» редко присовокупляется: просто Родион или «наш Родион»... Все четыре-пять его предшественников в большей или меньшей степени влачили жалкое существование, но Родион уже почти благоденствует, а в недалеком будущем, несомненно, заживет вполне нормально, т.е. будет вполне сыт, совершенно одет и обут, как он, так и матушка, так и дети, которые получают среднее, а то и высшее образование, будут иметь свой собственный угол, хозяйство, пасеку, пару добрых лошадок, пару коров, свиней, овец, домашнюю птицу. У начальства Родион будет и есть на хорошем счету, так как он исправно платит взносы, беспрекословно во всем подчиняется, не мудрствует лукаво и ничего более в жизни не желает, только протоиерейства, чтобы достичь того идеала, которому он, когда-то еще учеником церковно-приходской школы, подавал кадило в алтаре.

Чем объясняется такой успех Родиона? Во-первых, тем что он плоть от плоти и кость от костей своих избирателей. Почти в каждой большой общине есть свой излюбленный Родион, который, сидя пока на маленьком приписном приходе, в кладбищенской каплице или в молитвенном доме, всякими способами «подъезжает» под собрата в том приходе, где имеет готовых избирателей; во вторых, он, при достижении обоюдной, его самого и его избирателей цели, мало-помалу передвигает в место своего пастырства, из родного села, все свое селянское хозяйство и женино селянское приданое. Шаг, конечно, решительный и отступления быть не может, поэтому Родион буквально и целиком подпадает под пяту общины, или, как говорится теперь «у меня синод на месте». Но Епархиальному управлению воздается дань, избирателям-застрельщикам — урок (оброк), а общине — страх.

Что касается столь важного в наши дни вопроса, как церковная ориентация, то здесь большею частью приемлется то, и другое, и третье, смотря по обстоятельствам времени и места. Самое лучшее, конечно, получить рукоположение у софийских украинцев-самосвятов, — это всего легче, потому что здесь «Духо дышет, где хочет», не взирая ни на богословское образование, ни на клиросный и солейный стаж. Потом, не дурно бывает «пересвятиться» у синодалов, чтобы чувствовать себя все-таки, как никак, настоящим батюшкой. Наконец, если того настойчиво требуют обстоятельства, то можно еще раз «пересвятиться» у патриархистов, или, по крайней мере, хорошенько покаяться, находясь в то же время, если не в дружбе, то в обычном деревенском знакомстве с Колей Гандзулевичем и даже иногда можно поинтервьюировать его, как служится служба, аще Благовещение случится в Великую Субботу.

Хроники минувших веков говорят нам о былом украинском деревенском священнике, независимо от ориентации (ибо и тогда они были), как о человеке, вышедшем из народа, жившем одною жизнью с народом, с присущим человеку из народа реализмом взглядов и житейских отношений, подчинявшемуся внешним обстоятельствам и превалирующим требованиям

времени, — сегодня, например, православный, завтра — униат, послезавтра опять православный, как продиктует жизнь: в толстых тьмах Е. Сецинского (Труды подольского историко-статистического комитета) разворачивается широкая картина, казалось бы, ушедшего навсегда быта. Однако же не покажется ли просмотревшему эти труды от доски до доски, что современная картина нашего нового быта, в сущности, не содержит в себе ничего нового, а лишь примыкает к бытовой картине времен давно минувших, когда украинская Церковь тоже жила без помощи государства, без казенных домов, без жалования, без земель, без духовных училищ, без семинарий и императорских академий.

«Странники есмы и пришельцы на земле, и не имамы zde пребывающего града».

Но если искать опыта в истории, то нашим просвещенным архипастырям и их высшим и низшим управлениям в настоящее время необходимо, прежде всего, иметь неослабное попечение о трудах петро-могилянских, о хлебе духовном, о том, чтобы наши *hominess novi* возможно скорее были бы если не «отцами докторами», то хоть «сведущими в теологии моральной» (см. церковно-визитационные книги XVIII ст.).

Если нельзя учиться в епархиальной духовной школе, нужно заставлять отцов и братьев учиться дома, как делали предки, и дома же при визитациях экзаменовывать. Лелея новую Киевскую лаврскую коллегию, которую следовало бы так и назвать — «Киевская богословская коллегия имени Петра Могилы» — необходимо, чтобы просвещенные священники по епархиям составляли так называемые коллегияты, т.е. кружки для подготовки пастырей и проповедников, как это было некогда, до открытия рассадников духовного образования, на Украине западной, во Львове, Ярославле и Тереховле. Первее всего поддержите сельское духовенство религиозной грамотой, вдохните в него идейный вселенский интерес, убедите его, что «все философские системы проходят, как тени, а обедня все служитя по-старому».

Автор этой заметки указывает на коренную перемену в составе русского духовенства. Разрушается, исчезает старый кадр русских батюшек, поколениями проходивших семинарские курсы и священствовавших на необъятных просторах нашей Родины. На смену им идет новый пастырь, безымянный Родион, выдвигаемый на это новое для него служение стихийной силой народной жизни.

Автор не указывает прямо причин вымирания старого духовенства и рождения нового, но косвенно о них можно догадаться. Народ не поддерживает старых священников и стоит за новых, и не оттого, что ему не нравится тип старого священника. Наоборот, автор подчеркивает, что крестьяне хотят видеть именно старого благообразного пастыря, но видно сам старый класс духовенства не способен взять на себя руководство современной религиозной жизнью. Сыновья священников ушли в лучшем случае в корабельные инженеры или в оперные певцы, а в худшем случае стали во главе антирелигиозной пропаганды. Что-то надломилось в этих людях, угасла вера в святое призвание пастыря, и не оказалось у них сил вести свою паству в тяжелое и лукавое время гонений и издевательств над Церковью. И вот на смену им идут новые люди, люди, умеющие, очевидно, найти свое место в русской жизни, заручиться поддержкой крестьян. Автор объясняет их успех лишь тем, что они – выходцы из народа, но очевидно не этот один признак дал им силу выдвинуться из рядов крестьянства; очевидно, в них есть вера, может быть простая и не книжная, но жизненная и действенная, та вера, которая одна может поддержать теперь пастыря. Эти новые Родионы — большая и реальная сила, они крепко и глубоко вросли в новый быт русской деревни. Одного им не хватает — образования, но сам автор уже намечает пути для борьбы с этим злом.

Конечно, жизнь русского духовенства сейчас очень сложна. Очевидно, его ряды пополняются не только Родионами. Но приводимая статья свидетельствует, что положение духовенства не безнадежно, и что внутри

русского народа есть глубокое и несокрушимое стремление к церковной жизни и к благолепному быту.